

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЮДИКОВСКОЙ ТОПОНИМИИ¹

В статье рассматриваются особенности топонимии территории расселения одной из групп карельского этноса – карелов-людики. Выявленные разновременные топонимные модели, свойственные различным этническим группам, отражают разные этапы истории освоения исследуемой территории и свидетельствуют о неоднородности этнической общности карелов-людики.

Ключевые слова: топонимия, топонимная модель, карелы-людики, языковые контакты, история освоения территории, формирование языковой общности.

Обращение к топонимии при решении ряда вопросов истории определенной территории как к источнику историко-культурной информации обусловлено большим массивом, устойчивостью во времени и четкой привязкой топонимов к ареалу исследования. Названия географическим объектам даются в соответствии с популярными в определенное время у отдельной языковой общности моделями. Благодаря этому выявление и картографирование топонимных моделей и топоформантов, функционирующих в системе географических названий региона, позволяет проследить, как, по каким путям и какими этническими группами происходило освоение территории, дает возможность реконструировать исторические границы территории на разных этапах ее освоения.

Территориально данное исследование включает в себя, помимо административного центра Пряжинского района – пос. Пряжа,

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» и проект № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

поселения, расположенные по берегам озер Крошнозеро и Святозеро. Обозначенный ареал является территорией вторичного сбора топонимического материала: планомерный сбор топонимии здесь проводился сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее – ИЯЛИ КарНЦ РАН) с 1970-х гг.; полевые материалы хранятся в Научной топонимической картотеке ИЯЛИ и насчитывают около тысячи единиц хранения. Поэтому целью экспедиции 2014 г., помимо сбора топонимического материала с применением усовершенствованных методик получения ономастической информации, была проверка имеющегося в картотеке материала, его соотнесение с картой, а также выявление изменений, произошедших в топонимии региона за прошедшее время. В ходе полевой работы было опрошено 20 информантов из 11 населенных пунктов исследуемой территории, собрано около 300 фиксаций топонимов, которые были занесены в базу данных ГИС «Топонимия Карелии» и геокодированы.

Сравнение материалов предыдущих экспедиций и экспедиции 2014 г. позволяет сделать вывод о том, что изменения в жизни села на территории южной Карелии сказались не самым лучшим образом и на топонимии. Естественная убыль населения, миграция трудоспособного населения в города и более крупные районные центры, функционирование деревень в качестве дачных поселков для некоренного населения, отсутствие ведения сельского хозяйства и т. д. – все это является причинами исчезновения и забвения микро-топонимии (названий сенокосов, пастбищ, полей, лесных урочищ и пр.), создававшейся и функционировавшей только в условиях сельской жизни.

По данным языкознания, исследуемый ареал делится на ливвиковское Крошнозерье и людиковское Святозерье, это деление подтверждается и на топонимическом уровне. Топонимия карелов-ливвиков рассматривалась ранее в ряде работ², поэтому в настоящей

² *Мамонтова Н. Н.* Структурно-семантические типы микро-топонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982; *Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н.* Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // *История и культура Сямозерья /*

статье предлагается через призму топонимии взглянуть на проблему этнической истории территории расселения карелов-людиков. Это позволит осветить ряд моментов, связанных с происходившими в исследуемом ареале этническими процессами, которые и привели в конечном итоге к формированию на территории современного Пряжинского района группы людиков.

На протяжении нескольких последних лет в ИЯЛИ КарНЦ РАН создается единственная в России географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии», составной частью которой является «Электронный архив людиковской топонимии», насчитывающий в настоящее время около шести тысяч топонимов; всего коллекция топонимов с территории проживания карелов-людиков составляет приблизительно 10 тысяч единиц хранения. Материал собирался сотрудниками института в полевых экспедициях на протяжении последних 15 лет как в современных, так и в обрусевших в XX в. людиковских поселениях. Кроме этого, топонимия ареала расселения людиков собиралась финскими исследователями, прежде всего, В. Ниссиля, во время Второй мировой войны.

Людики – одна из групп карельского этноса, которая сформировалась в центральных частях Олонецкого перешейка (на Онежско-Ладожском водоразделе) в процессе межэтнического контактирования местного вепсского населения с продвинувшимися сюда из Приладожья карелами, в административных понятиях – из Корельского уезда России, он же с 1610-х гг. – Кексгольмский лен Швеции.

В научном мире до сих пор нет единого мнения относительно языка данной этнической группы. Российские исследователи относят его к одному из наречий карельского языка, в то время как некоторые финские лингвисты считают его самостоятельным прибалтийско-финским языком³. Необходимо все же отметить, что у людиков не успела сложиться в достаточной мере единая языковая форма, какой является, например, ливвиковское наречие. Так,

Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск, 2008. С. 25–38; и др.

³ Подробнее см. статью *И. Новак* настоящего издания.

по данным диалектологии, в средних и особенно в южных говорах людиковского наречия карельского языка наиболее сильно ощущается влияние вепсского языка, в то время как в северных говорах силен собственно-карельский компонент. В средних частях ареала фиксируются отчетливые следы языка карелов-ливвиков. Кроме этого, в языке людиков на всей территории проживания ощущается значительное русское влияние, что обусловлено многовековым проживанием этой субэтнической группы карельского населения в непосредственной близости от русскоязычных поселений. Исследователями подсчитано, что 59 % всех существительных и 17 % глаголов в словаре людиковских говоров относятся к русским заимствованиям⁴.

Принято также считать, что сам этноним *lyydi*, *lyydikoi* имеет русские истоки и восходит к древнерусскому *люди*, *людин* ‘человек, вольный человек’⁵. Эти же истоки имеет и самоназвание группы ливвиков (*lyygi(läine)*, *livviköi*), проживающих с запада на сопредельных с людиками территориях. Следует отметить, что людиками (вепс. *lydilain'e*) называют себя также северные прионежские вепсы и часть носителей средневепсского диалекта, проживающих в непосредственной близости от Свири, в южном Присвирье. Данный факт, по мнению И. И. Муллонен, дает основание полагать, что этноним *lyydi* распространился в первые века II тыс. по Свири вместе с новгородским освоением и использовался для именованя местных вепсов, которые в то время были основным населением как южного, так и северного Присвирья. В дальнейшем, в ходе карельского продвижения из северо-западного Приладожья в Онежско-Ладожское межозерье, вепсское население северного Присвирья

⁴ *Suhonen S. Venäläislainojen mukautumisesta lyydiin // Laatokan piiri. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 60. Vapokustannus. Helsinki, 1990. S. 175; Lyydiläismurteiden sanakirja / Toim. Juho Kujola. Helsinki, 1944.*

⁵ *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. II. SKST 556, Jyväskylä, 1995. S. 120; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. II. М., 1881. С. 289.*

постепенно ассимилировалось карелами, и данный этноним стал обозначать здесь карелизированных вепсов – ливвиков и людиков⁶.

Но вернемся непосредственно к теме нашей статьи. Прежде всего следует отметить, что в топонимии исследуемой территории выявляется несколько пластов географических названий: помимо более позднего русского слоя, выделяется значительный массив топонимов прибалтийско-финского происхождения, при этом наравне с карельским присутствует и вепсский компонент. Кроме того, топонимия обозначенного ареала сохраняет также саамский след.

Считается, что наиболее древними из этнически определяемых насельников Карелии являлись саамы, известные также по документальным источникам как лопари. Свидетельством этого являются многочисленные топонимы (главным образом, гидронимы – названия водных объектов) саамского происхождения: оз.⁷ *Šuksoilambi* (Уссуна), руч. *Šuksoja / Šuksoioja* (Уссуна), мыс *Šuksoiniemi* (Шушки) < саам. **šukčē* ‘глухарь’; з. *Kotkadmäged*⁸ (Пряжа), оз. *Kotkazlambi* (Тивдия), бол. *Kotkassuo* (Нимозеро), руч. *Kotkudoja* (Карташи), мыс *Kotkadniemi* (Каничева Сельга), зал. *Kotkadguba* (Каничева Сельга), уг. *Kotkadgubannurmet* (Каничева Сельга) < саам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’; оз. *Kuujärvi* (Михайловское) < саам. **kukkē* ‘длинный, долгий’ (ср. сохранившиеся в средневековых письменных источниках более ранние фиксации – *Кукозеро*, *Гулкозеро*⁹, приближенные

⁶ Муллонен И. И. Людики на топонимической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреневские чтения. Сборник статей. СПб., 2011. С. 229–230.

⁷ Здесь и далее сокращения географических терминов: оз. – озеро; о. – остров; бол. – болото; г. – гора; дер. – деревня; зал. – залив; р. – река; руч. – ручей; уг. – угодье; уроч. – урочище.

⁸ Часть названий на *Kotkaz-*, *Kotkud-* могла появиться уже в прибалтийско-финское время (ср. карел. *kuotkut*, *kotkova* ‘перешеек’), однако сам географический термин был, без сомнения, заимствован карелами в результате контактов с аборигенным саамским населением края.

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины Заонежской половины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

к саамскому оригиналу); *bepeɣ Lid'zmanrand* (Новиково), *руч. Ližmoi / Ližmoja* (Виданы), *оз., деп. Ližmejärvi / Ližmärv'* (Лижмозеро), *оз. Lidžmindärvi* (Лижма), *р. Ližmajogi / Ližmanjogi / Верхняя Лижма* (Лижмозеро), *уг. Ližmanjovennurmet / Ližmand'ogel* (Лижмозеро), *деп. Lidžmi / Lidžminkylä* (Лижма), *мыс Лижмнаволок* (Ватнаволок) < саам. *lisme* 'ил, тина', саам. *lisma* 'водный мох'; *р. Luzmand'ogi* (Нимозеро), *руч. Luzmanoja* (Пелдожа¹⁰), *оз. Luzmanlambi* (Пелдожа),

¹⁰ См. статью Т. Хорошун и И. Сумманен об археологических находках на острове оз. Пелдожского в настоящем издании.

Археологи КарНЦ РАН не видят археологических проявлений древнесаамской культурно-исторической общности до начала первых веков второго тысячелетия нашей эры и связывают ее, таким образом, только со временем Высокого Средневековья (XI–XIV вв.). Стоит все же отметить, что согласно исследованиям скандинавских ученых распространение древнесаамского населения в Швецию в самой узкой части Ботнического залива должно было произойти не позднее 9–10 веков первого тысячелетия (Bergsland K. Bidragtil sydsamenes historie: Skriftserie. Senter for Sámmiske studier 1. Tromsø, 1995). Именно на эту хронологию указывает анализ закономерностей саамской субстратной топонимии центральных частей Швеции. В связи с этим можно напомнить здесь, что формирование прасаамской языковой общности происходило в первые века первого тысячелетия нашей эры в условном треугольнике между Белым, Ладожским и Онежским озерами (Saarikivi J. Saamelaiskielet: Nykypäivää ja historiaa. Saamentutkimus tänään. Tietolipas 234. Helsinki, 2011. S. 113). С распадом саамского праязыка образовалось два диалекта – северный и южный (Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 370. Helsinki, 1981. S. 49–50). К последнему относилось население, осваивавшее в свое время территории южных частей современной Карелии и Финляндии. Именно носители южного диалекта должны были достигнуть центральных частей Швеции не позднее рубежа 10–11 веков, о чем свидетельствуют данные фонетической адаптации скандинавской топонимии саамами. Указанный факт позволяет осторожно предположить, что освоение древнесаамским населением южных частей Карелии могло произойти достаточно рано. Только после этого далекие предки нынешних шведских саамов должны были продвигаться на запад, на восточное побережье Ботнического залива, а затем и пересечь его. В связи с вышеуказанным возникает вопрос, не с распространением ли этого населения можно увязывать находки в Святозерской волости, относимые к 4 веку нашей эры?

уз. *Luzmanrandu* (Пелдожа) < саам. *lu'smm* 'исток реки'; п. *Nivad'ogi* (Карташи), зал. *Nivanguba* (Карташи), уз. *Nivannurmet* (Карташи), оз. *Nivalambi / Nivalamb* (Юркостров), устье *Nivanust'* (Шушки), уроч. *Nivand'ogenkorb* (Курганова Сельга) < саам. *njávve*, *njââ'vv* 'стремнина, место с течением; небольшой порог'; оз. *Oškutjärvi* (Намоево), руч. *Oškudoja / Oškudd'ärvenoja* (Намоево), з. *Oškudd'ärvensel'g* (Намоево), з. *Oškud'd'ärvenkriežat* (Намоево) < саам. *vuosku* 'окунь'; оз., дер. *Pälärvi* (Пялозеро), п. *Päländ'ogi* (Пялозеро), яма *Päl'ärvenorgo* (Пялозеро), оз. *Pälärvenlambit* (Юркостров), < саам. *pie'll*, *pieŕle* 'ухо' > 'край, бок, сторона'; уз. *Ruoksunnurmet / Ruoksu / Ruoksud* (Виданы), бол. *Ruoksuo* (Тавойгора), бол. *Ruoksasuo* (Кашканы) < саам. *ruokse* 'мох'; мыс, дер. *Siidniemi* (Сигнаволок) < прасаам. **sijte*' (зимняя) деревня'; з. *Suolužmägi* (Сулажгора) < саам. **suoloj* 'остров'; оз. *Viiksijärvi* (Викшицы; Лижмозеро), зал. *Viikšarvenguba* (Викшицы), п. *Viiksinjogi* (Тивдия), зал. *Viiksilahiti* (Тивдия), оз. *Viiksilambi* (Тивдия), уз. *Viikši* (Курганова Сельга), бол. *Viikšinsuo* (Курганова Сельга), з., уз. *Viikšinselgä* (Юркостров) < саам. **vëksi* 'небольшая река, соединяющая два водоема; пролив' и др.

Возможно, что память о саамском населении исследуемой территории хранят также названия с топоосновой *Lapin-* (карел. *lappi* 'саам, лопарь'): уз. *Lapinniittu* (Святозеро), бол. *Lapinsuo* (Мошничье), оз. *Lapind'ärvi* (Михайловское), оз. *Lapinlambi* (Курганова Сельга) и др. В то же время известно, что наименование *Lapinkylät* букв. «лопарские деревни» закрепилось за рядом людиковских поселений в окрестностях Петрозаводска¹¹. Языковые особенности говоров этих деревень сближаются по ряду признаков с говорами южного ареала собственно-карельского расселения. Данный факт свиде-

¹¹ Ср.: в 1601 г. лопенин из Ялгубы Гришка Меркурьев с племянником получает от царя Бориса Годунова жалованную обильную грамоту на пожизненное освобождение от выплаты податей (Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 15). Но все же *лопенин*, *лопанин* по материалам XVI–XVII вв. – житель Лопских погостов, т. е. в подавляющем большинстве случаев – карел; саамов те же источники именовали *лопин*, *лопины*. Можно здесь также отметить, что лопью названо людиковское население ряда деревень Шуйской волости и в списке населенных мест 1873 г.

тельствует о связях севернолюдиковского и собственно-карельского ареалов, а также о возможном подселении в среду людиков на определенном этапе карельского населения из Мяндусельской волости (входила в Семчезерский погост округа Лопских погостов Новгородского уезда, затем – Олонецкого), которое использовало применительно к себе самоназвание *lappi* ‘лопарь’ > ‘карел’, а язык свой именовало «лопарским языком» или *lapinkieli* «карельский язык». Поэтому нельзя исключать, что, по крайней мере, в основе названия покоса *Lapinniittu* могло закрепиться прозвище человека или семьи, которая подселилась в Святозерскую волость из окрестностей Петрозаводска. Подобное толкование можно дать и для более южных названий с атрибутивным элементом *Lapin-* в бывшей Важинской волости.

Неоднократная фиксация в топонимии исследуемой территории названий саамского происхождения, а также топонимов, указывающих на саамов-лопарей, позволяет предположить, что автохтонное саамское население здесь было ассимилировано прибалтийско-финскими новопоселенцами в процессе межэтнических контактов. При этом можно также думать, что местные саамы перешли на один из прибалтийско-финских языков через процесс билингвизма, что, в свою очередь, создало хорошие предпосылки для сохранения старой саамской топонимии, бытующей на этой территории в средние века, а, возможно, и еще в начале Нового времени.

На смену саамам в Обонежье приходит прибалтийско-финское население, и первенство здесь принадлежало древним вепсам, которые начали осваивать территории к северу от Присвирья в первые века II тыс. н. э. «В процессе колонизации древними вепсами Ладожско-Онежского межозерья их этнический ареал к XV в. охватил обширные земли, включающие территорию современного расселения людиков и ливвиков, сформировавшихся в результате этнического взаимодействия вепсов и пришлых “корельских выходцев” из северного Приладожья»¹². В основе двух карельских наречий, ливвиковского и людиковского, хорошо просматривается

¹² Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. С. 42–43.

вепсская субстратная языковая основа, при этом именно у людиков сохранился значительный вепсский элемент на всех уровнях языка.

Данные, содержащиеся в средневековых письменных документах, «отмечающие невозможность четкого определения границы – „межи“ Шуйского погоста – основной территории формирования карелов-людиков – по причине того, что шуйане Шуйского, святозерцы Важинского, кижане-кондопожане Кижского погостов (предки современных людиков) и сямозерцы Олонецкого погоста (будущие ливвики) возделывали подсеку по всей чисто условной линии административного размежевания этих погостов», позволили А. Ю. Жукову предположить, что «такое „нарушение межи“ на Шуйе стало возможным лишь по той причине, что от Олонца до Кондопоги на местах сохранялись кровнородственные и шире – племенные связи местных жителей как прямых потомков древних вепсов: самые северные родовые земли веси протянулись широкой полосой от Сямозерья на западе, через Святозеро и реку Важинку на юге, реку Шую в центре и до северных заливов Онежского озера на востоке»¹³.

Несмотря на исторические свидетельства вепсского прошлого исследуемого ареала, выявление вепсских дифференцирующих элементов в топонимии региона затруднено, поскольку лексика, задействованная в топонимобразовании, была в значительной мере единой, как в среде вепсского, так и карельского населения.

Тем не менее, на исследуемой территории удастся выявить ряд таких топонимических и лексических фактов, распространение которых в языке и в системе географических названий может указывать на вепсский субстрат в людиковском ареале расселения.

Продуктивны, например, поиск и использование таких топонимных моделей, которые функционировали какое-то ограниченное время и были свойственны какой-либо определенной этнической или языковой группе. Именно из таких моделей можно извлечь информацию о территории и времени существования некоей локальной группы населения. Примером такой хронологически

¹³ Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVI веках // История и культура Сямозерья. С. 43.

обусловленной модели, представленной в Карелии, являются наименования водных объектов (озер и рек) с основой *Pyhä-* ‘святой’.

Будучи широко известной в северо-западном Приладожье, где в конце I тыс. н. э. сформировалась карельская этническая общность, модель не продвинулась вместе с карельской экспансией на восток и северо-восток. Очевидно, ко времени карельского продвижения на восток она уже утратила в карельской среде свою активность. Ареал гидронимов с основой *Pyhä-* (и русской переведенной *Свят-*) в Карелии свидетельствует, что данная топооснова представлена на путях вепсского продвижения на север (вдоль водных путей к Беломорью), на восток (по Водле и за водораздел) и на юго-восток (в Белозерье). Очевидно, указанная модель связана с вепским освоением территории и может рассматриваться как некий маркер такого освоения¹⁴, она представлена следующими топонимами: оз. *Pyhälambi* (Святозеро), руч. *Pyhäoja* (Святозеро), р. *Pyhäjogi* (Пряжа), оз. *Pyhälambi* (Пряжа), оз. *Pyhälambi* (Афанасьева Сельга) и название оз. *Pyhäd'ärvi* (рус. Святозеро), которое легло как в основу одноименного населенного пункта, так и позднее в название Святозерской волости. Следует отметить, что среди целого ряда названий прежних волостей южной Карелии, это одно из немногих, которое имеет прибалтийско-финские истоки, в то время как большинство других являются, видимо, самскими по происхождению: ср. *Kotkadjärvi* (рус. Коткозеро) < саам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’, *Kuujärvi* (рус. Михайловское) < саам. **kukkē* ‘длинный, долгий’, *Vuhtajärvi* (рус. Вохтозеро) < саам. **uktj* ‘путь, дорога’, *Siämäjärvi* (рус. Сямозеро) < саам. **sāmē* ‘саам, лопарь’ и др. Данный факт, возможно, свидетельствует о достаточно раннем проникновении вепсов на эту территорию. Показательно, что на берегу оз. Святозеро фиксируется уже выше упомянутое название поселения *Siidniemi* (рус. Сигнаволок), в котором восстанавливается саамская лексема **sijte* со значением ‘(зимняя) деревня’.

Известно, что «зимняя деревня» являлась определенной формой организации и сотрудничества нескольких семейных групп/родов

¹⁴ Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 17–27.

саамского населения. В их пользовании находились «общинные» промысловые угодья, распределение и управление которыми происходило в зимнее время, когда члены родов собирались вместе для решения общих организационных и правовых вопросов. По мнению ряда исследователей, появление такой формы организации саамских родовых сообществ относится в разных частях Фенноскандии к периоду Средневековья (800–1150/1300 гг.)¹⁵. Можно предположить, что освоение древними вепсами окрестностей оз. Святозеро не было случайным, поскольку здесь мог находиться некий административный центр саамского населения Онежско-Ладожского межозерья. Таким образом, Святозерье было, видимо, некогда пограничной территорией, что и отразилось в названии *Pyhäd'ärvi*, которому свойственна пограничная семантика (ср. приб.-фин. *pyhä* 'граница, ограда')¹⁶.

Анализ распространения гидронимов на *Pyhä-* / *Свят-* свидетельствует, что многие из них привязаны к старым границам (финский историк С. Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *Pyhä-* привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам¹⁷) и могут квалифицироваться как пограничные. При этом, как отмечает И. И. Муллонен, этапы семантического развития слова *pyhä*, закрепившегося в качестве гидронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение вепсской волны на север должно было произойти не позднее рубежа I–II тыс. н. э., в период до вытеснения изначальной семантики ('граница' → 'святой')¹⁸.

Таким образом, название оз. *Святозеро* (карел. *Pyhäd'ärvi*) могло, видимо, маркировать на рубеже тысячелетий северную границу

¹⁵ Halinen P. Arkeologia ja saamentutkimus // Saamentutkimus tänään. Toim. Irja Seurujärvi-Kari & Petri Halinen & Risto Pulkkinen. Tietolipas 234. Helsinki: SKS, 2011. S. 158; Carpelan C. Inarilaisten arkeologiset vaiheet // Inari – Aanaar. Inarin historia jääkaudesta nykypäivään. Oulu: Inarin kunta, 2003. S. 70–71.

¹⁶ О «приграничном статусе» бассейна Святозеро–Святреки см. статью А. Жукова настоящего издания.

¹⁷ *Suvanto S.* Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972. S. 54.

¹⁸ *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 155.

вепсского расселения в северном Присвирьи. В дальнейшем эти же «святые межи» использовались в практике административно-территориального разграничения на северно-присвирские и олонечские погосты и волости в их составе, в т. ч. Святозерскую волость. В доказательство можно привести и «параллельный» карельский материал, подтверждающий правоту С. Суванто и И. И. Муллонен. Первоначально в карельском Приладожье озера с названием на *Pyhä*-размежевывали различные группы формировавшегося тогда карельского народа, а затем Великий Новгород приспособил данное разграничение для практики внутреннего церковно-приходского и районного деления Корельской земли на погосты. Так, Пюхьярви–Святозеро (ныне оз. Отрадное) разделяло центральный Городенский и Сакульский погосты; на другом, северном Пюхьярви сходились земли сразу четырех погостов: Городенского, Кирьяжского, Сердовольского и Иломанского; далее, к востоку земли сердовольского Суйстамо (будущей Суйстамской волости – *Suistama rågosth*-а Кексгольмского лена) разрезали Соломенский погост надвое: его южная приладожская часть Салми отделялась от Суйстамо озером Пюхьярви в районе Уукусу, а северная часть Суоярви – озерами Исо-Пюхьярви и Пиен-Пюхьярви южнее верхнего течения «Суи-реки»-Шуи¹⁹.

Не исключено, что освоение вепсами окрестностей Святозера было мотивировано на определенном этапе истории, в том числе и тем, что здесь находился один из «административных» (родовых, племенных) центров саамского населения, где происходило управление природными ресурсами северо-западного Обонежья и их распределение. Нельзя также исключать, что местная лопь могла уже тогда попасть в зависимые отношения от древних вепсов, которые начали осваивать лопские земли на рубеже тысячелетий.

Важной водной магистралью, ведущей на территорию проживания средних людииков и далее на север, была в то время р. *Важинка*

¹⁹ Жуков А. Ю. Корельская земля Великого Новгорода – Корельский уезд России – Кексгольмский лен Швеции: эволюция административно-территориального устройства XII–XVIII вв. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятое Шёгреновские чтения. Сборник статей. СПб., 2012. С. 152.

(карел. *Vuaž(e)n'and'ogi*). На достаточно раннюю освоенность этого водно-волокового маршрута вепсами указывает само название реки, в котором скрывается ныне утраченный вепским языком географический термин *vad'ž-* (**vatsV*) со значением 'болотный массив, заболоченная территория, довольно обширное болото'²⁰. На продолжительное использование вепсами этого транзитного маршрута из новгородских земель в Заонежье и далее на север указывает ряд разновременных моделей вепского происхождения, фиксирующихся вдоль данной водной системы. Среди них, например, модели для называния возвышенных участков местности **Čuhak-*, *Čuhuk-* и *Kukuoinhard'* 'холм, возвышенность'²¹: ср. г. *Čuhakkomägi* (Мошничье; Кашканы), бол. *Čuhaksuo* (Кашканы), руч. *Čuhakoja / Čuhakkooja* (Кашканы), уг. *Čuhakonniityd* (Кашканы), уроч. *Čuhakonkangaz* (Ташкиницы), уг. *Čuhakuunsel'g* (Ташкиницы); г. *Kukuoinhard'* (Мошничье), уроч. *Kukuohard'unsel'g* (Кашканы), уг. *Kukuenhard'a* (Святозеро), г., уг. *Kukuunhuar' / Kukuunhuar'anmägi / Kukunharj* (Михайловское). Возможно, к последней группе относятся также названия возвышенностей *Kukoimägi* (Виданы) и *Kukoisel'g* (Машезеро), подвергшиеся частичному переводу в результате карельской адаптации. Кроме представленных выше географических названий, на территории проживания людиков фиксируются и другие топонимы, которые могут быть своеобразными маркерами вепского прошлого этих земель, ср. возвышенность *Homžomansel'g* (Виданы), уроч. *Homžoma* (Виданы), уг. *Homžomannurmed* (Виданы) < вепс. *hongžom* 'сосновый лес; сосняк', оз. *Kiekerlambi* (вепс. *kehker* 'круглый') (Лижма) и др.

Следующим примером является практически неизвестная карелам топонимная основа *Burde- / Purde-* 'родник, ключ', которая, в свою очередь, исключительно продуктивна в вепском ареале расселения. Рассматриваемая топонимная модель, как и сама лексема, функционирует, прежде всего, на южных людиковских территориях в бывшей Важинской волости, а также в средней части людиковского ареала: родник *Agd'amburde* (Кашканы), уг. *Burdepeldo / Purdepeldo* (Кашканы), родник *Burde* (Яковлевская), уг. *Purde*

²⁰ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья... С. 289.

²¹ Там же. С. 162, 166.

(Лояницы), колодец *Purdekaiv* (Гижино), уг. *Purdeniityd* (Ташкиницы), руч., бол., уг. *Purdeoja* (Лояницы), уг. *Purdepalo* (Лояницы), г., уг. *Purdesel'g* (Лояницы), уг. *Purdesel'gänniityd* (Лояницы), родник *Burde* (Святозеро; Прякки). Кроме этого, единичные фиксации представлены также на территории проживания карелов-ливвиков (ср. уг. *Puurde* в Самбатуксе) и в русскоязычной топонимии Заонежья (ср. мыс *Бурднаволок* в Вершунье), где они также могут рассматриваться в качестве вепского наследия в топонимии южных частей Карелии.

Еще одним вепским маркером в топонимии людиков может являться тип названий на *Kuar-* / *-kuar(e)*. На апеллятивном уровне термин *kuar*; *kuare* в значении 'залив, бухта' известен только у южных людиков в Михайловском и Согиницком говорах, ср. вепс. *kar(a)* 'то же'. На вепских территориях лексема широко представлена в топонимии и в языке средних и северных вепсов. Кроме этого, в форме *кара* термин функционирует и в топонимии сопредельных ныне русскоязычных территорий Пудожского района Республики Карелия и Ленинградской области. У людиков, помимо Михайловского и Согиниц, модель достаточно продуктивна в топонимии бывшей Святозерской волости, где рассматриваемая лексема фиксируется, в том числе и в качестве детерминанта (ср. заливы *Kuare*, *Hiižkuare*, *Hodarinkuare*, *R'uumoikuare* и др.). Данный факт свидетельствует в пользу относительно недавнего выхода лексем *kuare* из активного употребления. Одной из причин ее утраты людиками, вероятно, стало усвоение ими севернорусского географического термина *губа* 'залив' (люд. *guba*), который вытеснил со временем лексему с вепскими истоками²². В данном случае показательны названия заливов, где наблюдается присоединение идентичного по семантике детерминанта *guba* к первоначальному топониму на *-kuare*: заливы *Hodarinkuaranguba* (Святозеро), *R'uumoikuaranguba* (Святозеро), *Kuaranguba* (Вашаково), *Lotoikuaranguba* (Палатозеро), *Mudakuaranguba* (Палатозеро), *Savikuaranguba* (Палатозеро). Таким образом, география распространения слова в лексике и в топонимии на территории северного и южного Присвирья (вепс. *kar*, *kara*, люд. *kuar*, *kuare* и рус. *кара*) может свидетельствовать о единых вепских истоках рассматриваемого типа.

²² Муллонен И. И. Указ. соч. С. 165.

Для целей выявления субстратных элементов в топонимии наглядны также ареально-семантические оппозиции, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается разными этноязыковыми группами по-разному. В качестве примера в данном случае можно привести ареальную оппозицию *Rinne- / Rindie-* и *Palte-* ‘склон, косогор’. Топооснова *Rinne- / Rindie-* широко представлена в топонимии собственно-карельских территорий. Кроме этого, в форме *Rindu- / Rindie-* она бытует и в смежном ливвиковско-людиковском ареале (рис. 1), где известна также модель *Palte-*, которая спорадически фиксируется на самом юге собственно-карельского ареала. В то же время она имеет широкое бытование на территориях, населенных вепсами. В виде *Палтега* модель присутствует в топонимии русского Обонежья (рис. 2). Таким образом, топонимная модель *Rinne- / Rindie-* на людиковских территориях может рассматриваться как карельское наследие, в то время как модель *Palte- / Палтега* – как вепский маркер.

Ряд географических названий, атрибут которых выражен причастием *Törizie-*, представляет собой еще одну карельскую дифференцирующую модель, зафиксированную в людиковской топонимии и непродуктивную в вепской: оз. *Törziilambi* (Святозеро), руч. *Тережручей* (**Töröžieoja*) (Сулажгора), уг. *Törözijänurmet* (Карташи), руч. *Törzieoja* (Декнаволок), *беpez Törzierand* (Мунозеро), руч. *Törzijäoja* (Мунозеро), руч. *Törziioja* (Юркостров), руч. *Törzoja* (Курганова Сельга) и др.

Всего в Карелии зафиксировано более 20 гнезд названий рассматриваемого типа, которые представлены, главным образом, в топонимии собственно-карельских территорий. При этом основной ареал названий на *Törizijä- / Törizie-* находится в Приладожской Карелии и к северу от нее. На карельские корни модели указывает и сам глагол *töristä* со значением ‘греть’, от которого образовано I причастие актива. Основным мотивом номинации названий данного типа стал громкий звук, издаваемый водой: ср. *oja virdoaa törizöö* ‘ручей гремит’ (Суоярви)²³.

²³ Karjalan kielen sanakirja. VI / Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki, 2005. S. 388.

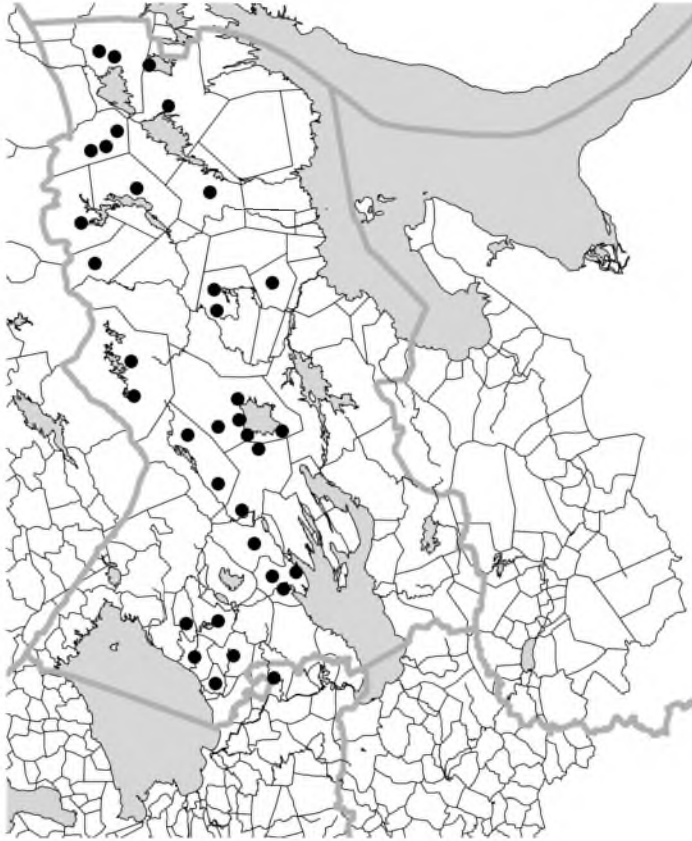

Рис. 1. Ареал модели Rinne- / Rindie-

Карта распространения названий данного типа (рис. 3) свидетельствует о том, что модель *Törizijä- / Törizie-*, появившаяся в Приладожской Карелии, распространяется оттуда вместе с карельской экспансией на обширные территории, вплоть до финляндской Лапландии на севере, Белого моря на северо-востоке и Онежского озера на востоке. В современной Карелии модель представлена наиболее активно в западных частях Беломорской Карелии, а также в юго-восточной Карелии – на людиковско-собственно-карельском пограничье. Данный факт подтверждает буферный вепско-карельский характер формирования людиковского ареала.

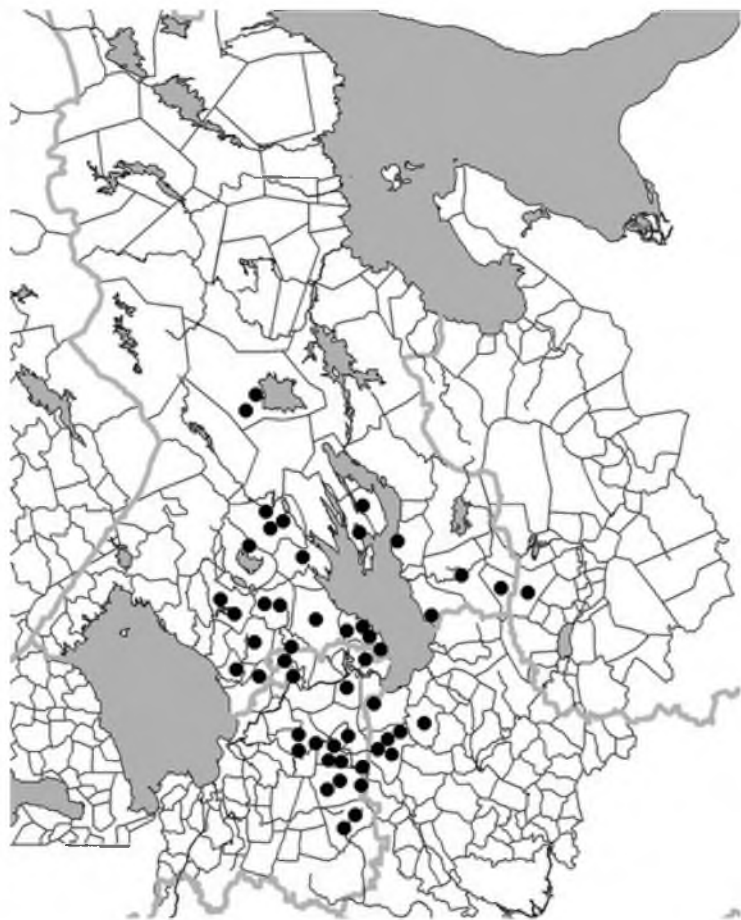

Рис. 2. Ареал модели Palte- / Палтега

Появление обозначенной топонимной модели в Карелии может быть связано с окончательной передачей Корельского уезда под власть Швеции в 1617 г. Результатом этого стал значительный отток карельского населения в Россию, в том числе и на территорию Карелии, продолжавшийся вплоть до Кардисского мира 1661 г. Видимо, эта же волна карельской миграции из Приладожья принесла с собой и названия данного типа в людиковский ареал расселения. Об относительно недавнем появлении названий на *Törizijä-* / *Törizie-*

указывают также незначительные размеры многих объектов с рассматриваемой топоосновой²⁴.

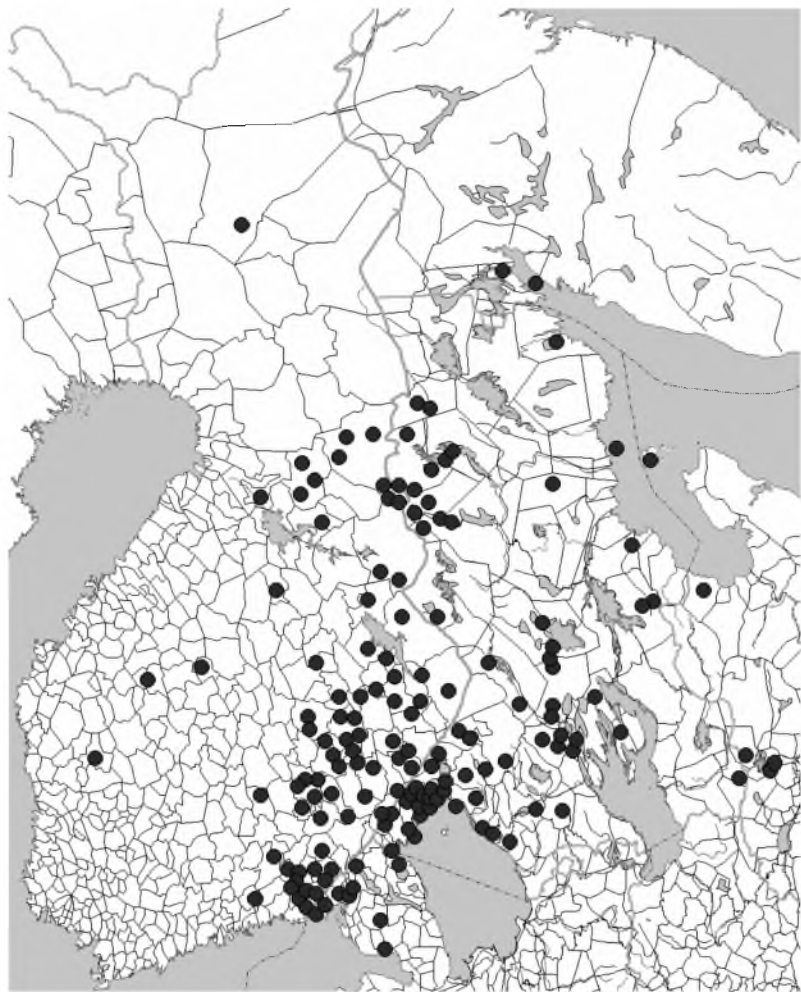

Рис. 3. Ареал карельской топоосновы Tögrisjå- / Терже-

²⁴ Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

Еще одним собственно-карельским маркером в топонимии людиковского ареала могут быть названия, в которых в качестве атрибутивной части закрепилось прилагательное *d'yrk(e) / jyrk(e)* 'крутой (склон, берег)'. Согласно данным словаря людиковских говоров, указанная лексема фиксируется только в Тивдии²⁵. В топонимии ареал названий, содержащих данный атрибут, несколько шире: *o. D'yorksuari* (Пряжа), *z. D'yrmägi* (Кашканы), *z. D'yrkämmägi* (Соломенное), *дер. Jyrkänmägi* (Юркостров), *настб. Jyrkänočča* (Галлезеро), *уз. Jyrkänpeldo* (Кескозеро), *z. Jyrkäine* (Кескозеро). Таким образом, продуктивность рассматриваемой лексемы в языке и в топонимии собственно-карелов и карелов-ливвиков и немногочисленные фиксации ее на территории людиковского ареала расселения позволяют говорить о ее карельских корнях.

В системе именованя географических объектов исследуемого ареала выявляется также ряд других дифференцирующих карельских тополексем, свидетельствующих о карельских связях с обозначенной территорией. Среди них, например, названия с топоосновами *Kumbu-* 'горка', *Polv(uo)i-* 'изгиб, поворот', *Kyber- / Kybär-* 'кривой', *Čiirakko-* 'крачка', *Leht- / *Lehto-* 'лиственный лес', *-vuara* 'возвышенность' и др., основной ареал которых охватывает территорию проживания собственно-карельского населения, ср. *уз. Kumbahot* (Виданы), *оз. Polvuoilambi* (Пелдожа), *z. Kybärmägi* (Маньга; Важинская Пристань), *оз. Kyberlambi* (Половина), *бол. Čiirakkosuo* (Сюрьга), *z. Villavuara* (Виданы), *z. Sviezavuara* (Лехнаволок), *мыс Lehtniemi (*Lehtoniemi)* (Лехнаволок) и др.

Сплав двух этнических и языковых компонентов – собственно-карельского и вепского происходил на севере и юге людиковской территории неравномерно. Об этом свидетельствует, например, распространение топонимов, оформленных локативным суффиксом *-la / -l* (рис. 4). В ареале проживания карелов-людиков зафиксировано всего несколько топонимов *-l-ового* типа. На юге людиковской территории в низовьях рек Усланка и Важинка названия на *-la / -l* образуют ареальное единство с южным Присвирьем, т. е. с территорией расселения вепсов (ср. названия поселений *Kimul, Pirkl'a, Sagil, Tuoskal*).

²⁵ Lyydiläismurteiden sanakirja / Toim. Juho Kujola. Helsinki, 1944.

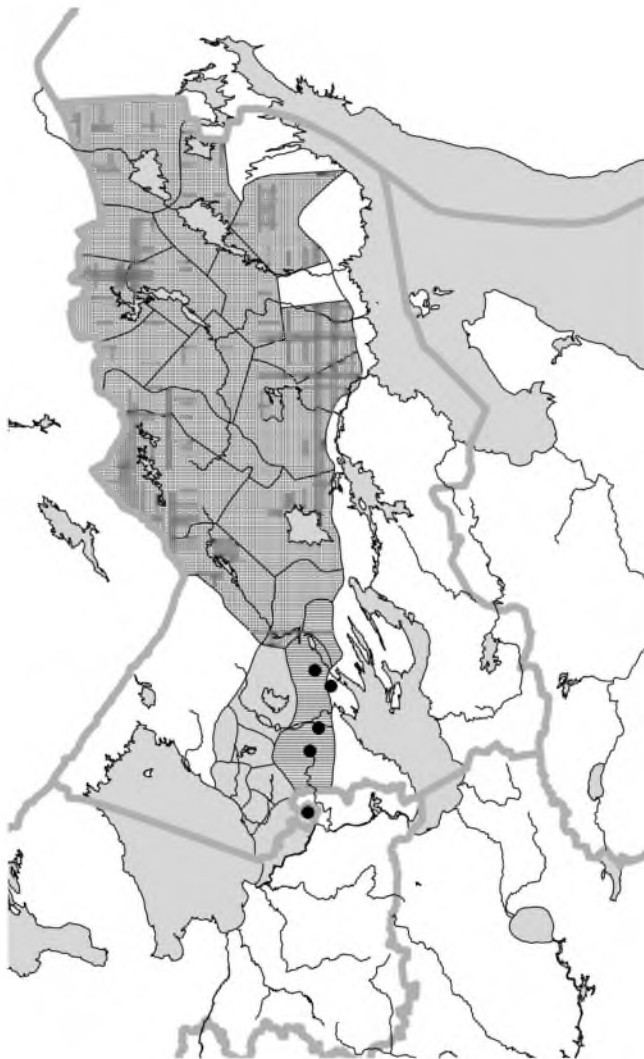

Рис. 4. Топонимы -l-ового типа в людиковском ареале

У средних же людиков истоки данной модели несколько иные, связанные, по всей видимости, с освоением современных людиковских территорий собственно-карельским населением (ср. деревни *Nuamoil*, *Kokoil*, бол. *Mizulaizensuo* < **Mizul* в окрестностях Видан,

тона *Piččelanabai* (**Piččolan-*) в Руднаволоке, часть дер. Галлезеро – *Okulail*). В данном случае обращает на себя внимание прозрачность топооснов, зафиксированных именно в топонимии указанных территорий, что, несомненно, свидетельствует об относительной молодости этих наименований, в отличие от названий поселений на юге людиковского ареала, где этимология топонимов затемнена. Таким образом, распространение этой суффиксальной модели у средних и северных людиков отражает, видимо, позднее точечное собственно-карельское внедрение в западное Обонежье. Подтверждением этого является и фиксация на территории Намоевского сельского совета топоосновы *Karjaizen-* ‘карельский’: деревни *Karjaizenkylä* (рус. Карельская деревня) и *Karjaizenniemi* (рус. Карельский Наволок), а также, возможно, тоня *Karjaine* в Сопохе в бывшем Вороновском сельском совете.

Иную ареальную характеристику имеет зафиксированный в топонимии людиков формант *-(l)isto* (изначально патронимический), который выполнял функцию обозначения коллективности: ср. деревни *Hedotisto*, *Simanisto*, часть с. Святозеро – *Voronisto*, *упоч. Alahisto* (Виданы) (рис. 5). Что касается функционирования рассматриваемого суффикса в карельской топонимии, то он известен, главным образом, в названиях домов и поселений в ограниченном ареале на юге Карелии. Кроме территории людиков, топонимы на *-(l)isto* представлены более широко в ареале расселения карелов-ливвиков в Видлицком и Сямозерском кустах поселений в Олонецкой Карелии. Исходя из этого, можно, видимо, предполагать, что проникновение суффикса *-(l)isto* в людиковскую топонимию может быть связано с отселением на определенном этапе истории населения с вышеуказанных ливвиковских территорий.

О ливвиковско-людиковских связях свидетельствует также ряд других топонимических моделей. Среди них, например, названия с детерминантом *-vana*: *уг. Papinvana* (Пряжа), *уг. Kapšinanvana* (Сюрьга). В людиковских говорах рассматриваемая лексема фиксируется только в значении ‘польнья; (длинная узкая) щель’²⁶.

²⁶ Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 100.

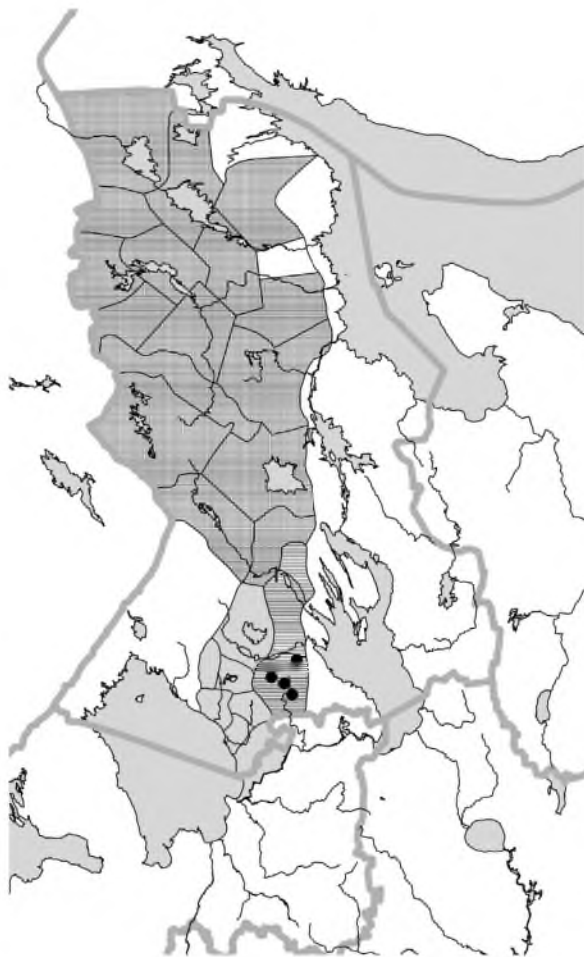

Рис. 5. Топоформант -(l)isto в топонимии карелов-людиков

В топонимии значение данного термина иное, ср. ливв. *vana* 'низина, небольшое болото, заросшее травой; ложбина, по дну которой течет ручей'²⁷. В то же время, в языке карелов-людиков фиксируется синонимичный рассматриваемому термин *vanandeh* в значении 'болотистое

²⁷ Рукопись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

место, поросшее травой (часто косят)’, ср. также ливв. *vanandeh* ‘заболоченная низина или лощина; сырое место’²⁸. Основной массив названий этого типа фиксируется в восточных частях ливвиковского ареала, главным образом, на сопредельной с людиками территории бывшей Коткозерской волости. Данный факт позволяет сделать вывод, что появление названий с детерминантом *-vana* в ареале проживания людиков в Святозерской волости может быть увязан с отселением карелов-ливвиков на исследуемую территорию.

Кроме вепсских и карельских названий-меток, в топонимии исследуемого ареала обнаруживается еще ряд моделей, которые могут быть свидетельством освоения современной людиковской территории представителями других этнических групп. Так, можно предположить, что вместе с карелами на территорию современной Карелии из Приладожья переселялось также финское население, результатом чего стало появление, в том числе и в ареале расселения карелов-людиков, этнонимических названий с основой *Ruočín-* (*ruočč(i)* ‘финн, выходец из Швеции’) и *Hämehen-* (*hämeh-* ‘емлянин, выходец из Хяме’): *луда Ruočinluodo* (Виданы), *зал. Ruočinlahti* (Петрушин Наволок), *мыс Ruočinniemi* (Пертнаволок), *г. Ruočinkumbu* (Галлезеро), *г. Hämehenselg* (Пряжа), *г. Hämehenselgä* (Пелдожа). Подтверждением правомерности такого предположения может служить, например, указ царя Бориса Годунова 1599 г. об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе уже проживавших здесь финнов и шведов (“латышей Финские и Свейские земли”)²⁹. Позднее, в связи с передачей Корельского уезда Швеции, часть этого финского населения могла переселиться оттуда и на территорию современной Карелии. На это указывает, например, ареал некоторых топонимных моделей, а также наличие лексики, содержащейся в названиях, не характерной для

²⁸ Рукопись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

²⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Коралева, В. Г. Макурова, Ю. А. Саватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001. С. 137.

карельской топонимии в целом: ср. *руч. Someroja*, *бол. Someronsuo* < приоб.-фин. *somero* ‘песок’ (Кашканы), *руч. Haigaraoja* < приоб.-фин. *haikara* ‘аист, цапля’ (Кашканы), *мель Čerkovanhiede* (Пряжа), *рыб. угодье Hiede* (Пелдожа) < приоб.-фин. *hieta* ‘песок’; *оз. Haižd’ärvi* < приоб.-фин. *haisu* ‘неприятный запах, вонь’ (Лижма), *оз. Viärälambi* < приоб.-фин. *viärä* ‘кривой, изогнутый’ (Машезеро) и т. д.

Карелы-людики являются наиболее русифицированной группой карельского этноса. Это связано, прежде всего, с тем, что именно эта группа карельского населения на протяжении нескольких столетий проживала на русско-карельском пограничье, являясь своеобразной буферной зоной, препятствующей проникновению русского влияния на другие карельские территории. Выше уже было отмечено, что более половины всех существительных, зафиксированных в словаре людиковских говоров, имеют русские истоки³⁰. Данный факт проявляется и на уровне топонимии, хотя, следует отметить, что в целом на территории исследуемого региона русских по происхождению топонимов, по сравнению с апеллятивной лексикой, все же не так много, а карельские по происхождению географические названия составляют здесь основной костяк топонимии.

Большинство географических названий, в которых выступает лексика русского происхождения, является достаточно поздним топонимическим слоем. При этом бóльшая их часть появилась, видимо, только в XX в.: *озера Pleššilambit* < карел. *plešši* ‘открытое место без растительности’; *зал. Peskuguba* < карел. *pesku, pesk* ‘песок; песчаный’ + карел. *guba* ‘залив’; *бол. Prosekansuo* < карел. *prosekk* ‘просека’; *уг. Puustaine* < карел. *puust* ‘залежь, пустошь’; *уг. Savinanpolossat* < карел. *polossa* ‘полоса поля’; *протока Uudd’ärvenkanau* < карел. *kanau* ‘прокопанная канава, прокоп’; *пороги Zapan’porogat* < карел. *zapan* ‘плавающее ограждение в виде бона’ + карел. *porog* ‘порог в реке’; *порог Plotinkoski* < карел. *plotin* ‘запруда, плотина’; *г. Peskmägi*, *уг. Peskpöldot* < карел. *pesk* ‘песок; песчаный’; *уг. Hodarinlogo* < карел. *logo* ‘ложбина между двух возвышенностей; низина; крупная яма’; *бол. Rudn’akansuo* < карел. *rudn’akk* ‘рудник’; *уг. Brodapeldo* < карел. *broda* ‘брод’; *бор Inakanbora* < карел. *bora* ‘бор’ и др.

³⁰ *Suhonen S. Ibid. S. 175.*

Однако среди заимствованных из русского языка лексем есть и такие, появление которых в топонимии карелоязычных территорий связано с более ранним периодом. Среди них, например, лексема *dubrov* 'сенокосная лужайка; место без деревьев, поросшее невысокой травой'³¹, ср. рус. диал. *дуброва* '1. Лужайка, на которой скошена трава; 2. Нераспаханное поле; 3. Трава'³². Русскоязычный термин достаточно рано фиксируется на прибалтийско-финских территориях в южном Приладожье, ср. *дер. Дуброва*, упомянутая в 1500 г. в Городенском погосте Ладожского уезда (окрестности города Ладога)³³. Таким образом, можно предположить, что термин *dubrov* мог проникнуть в южные части карелоязычных территорий с юга, возможно, из русского Присвирья. Единичные случаи бытования термина фиксируются и в вепсской топонимии Ленинградской области. В апеллятивной лексике и в топонимии карельских территорий термин фиксируется только у карелов-людиков: *уг. Dubrov* (Виданы), *уг. Dubrovanobod* (Тивдия).

Только в лудиковской топонимии встречается и русский по происхождению термин **glädin / lätin*: бол. *Glädinäsuo* (Лижма), *уг. Kozanlätin* (Лижмозеро). В основе названий лежит русская лексема *лядина* '1. Участок в лесу, расчищенный под посев; подсека; 3. Лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка', известная во всех русских говорах южных частей Республики Карелия³⁴. Следует отметить, что рассматриваемый русский по происхождению термин фиксируется на карельских территориях также достаточно рано, уже в 1500 г., ср.: *дер. Мегра за Лядиною, починок над озером над Ламбитским*, упомянутая в Ровдужском

³¹ Ручпись Диалектологического словаря карельской географической терминологии / сост. Д. В. Кузьмин [хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН].

³² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. II. СПб., 1995. С. 8.

³³ Переписная окладная книга Водской пятины 7008 (1500) г. // Временник Московского общества истории и древностей. М., 1851. Кн. 11. С. 1.

³⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. III. СПб., 1996. С. 175.

погосте (совр. Рауту, Реутово)³⁵. В русских говорах Карелии фиксируется и лексема *росстань* ‘перекресток двух или нескольких дорог’³⁶, которая также представлена в топонимии людиковского ареала: перекрестки *Selginrostan’* (Виданы), *Niizd’ärvenrostan’* (Виданы) и др.

Достаточно рано проникает в Карелию и русский топонимический формант *-щина*, который был усвоен карелами в форме *-šin(a)* при активном взаимодействии прибалтийско-финской и русской топонимических систем. Сам суффикс *-щина* является относительно молодым на новгородских землях и начал распространяться здесь, в том числе и в Карелии, только после завоевания Новгорода Москвой, с конца XV в.³⁷ В людиковской топонимии названий географических объектов с топоформантом *-šin(a)* немного, при этом большинство из них фиксируются в восточной части ареала, на карельско-русском пограничье. Наиболее активна данная модель в топонимии с. Соломенное, в котором проживало как карельское, так и русское население. Видимо, именно отсюда модель проникает вглубь людиковского ареала на территорию Святозерской волости: *уг. On’ n’oušinnanniittu* (Лижма), *уг. Harakoušin* (Виданы), *уг. Vieroušin* (Викшицы), *уг. Pričkujouššin* (Половина), *уг. Vasil’ouššina* (Лехнаволок), *уг. Лайтовица* (Руднаволок), *уг. Бардовщина* (Трифоннаволок) и др.

Таким образом, проникновение рассмотренных выше русских заимствований на апеллятивном и топонимическом уровнях можно объяснить, прежде всего, контактами карелов-людиков с русским населением юга Карелии, которые усилились в XVIII–XIX вв., в связи с постепенной ассимиляцией восточных частей людиковского ареала. При этом сохранение брачно-родственных,

³⁵ Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // *Временник Московского общества истории и древностей*. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 83.

³⁶ *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. V. СПб., 2002. С. 563.

³⁷ *Кузьмин Д. В.* Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // *Прибалтийско-финское языкознание: сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта*. Петрозаводск, 2003. С. 63–64.

экономических и культурных связей между карелами и русскими, видимо, способствовало проникновению все новых и новых заимствований в язык людиков. Но количество русских заимствований в лексике и в топонимии местного населения находится в прямой зависимости от удаленности того или иного населенного пункта от крупных дорог и районных центров, население которых является в значительной мере этнически смешанным.

Подводя итог, можно отметить, что рассмотренные выше модели именованя географических объектов отражают разные этапы истории освоения территории проживания карелов-людиков, подтверждая тем самым гипотезу о былой этнической неоднородности населения данного ареала. Эта неоднородность проявляется именно в фиксации в топонимии региона разновременных топонимных моделей, свойственных различным этническим и субэтническим группам, которые на разных этапах истории принимали участие в формировании этнической общности карелов-людиков. К сожалению, процесс этот так и остался незавершенным, причиной чему явилось как активное русское внедрение в связи с промышленным освоением края, так и связанный с этим процесс ассимиляции людиков.